

ФОРМАЛИЗМ ИЛИ НОВАЯ СТЕПЕНЬ СВОБОДЫ: ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

FORMALISM OR NEW DEGREE OF FREEDOM: THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON RUSSIAN EDUCATION

УДК 316:374

DOI: 10.15372/PEMW20190304

Е. М. Лбова

*Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: kate.lbova@gmail.com*

Lbova, E. M.

*Institute of Philosophy and Law of the SB RAS,
Novosibirsk, the Russian Federation,
e-mail: kate.lbova@gmail.com*

Аннотация. *Изменения, происходящие в мировом образовании в рамках глобальных трендов, диктуют новые стандарты развития российской высшей школы. С одной стороны, университеты все более нацелены на формирование специалистов с «мышлением высокого уровня», с другой – постоянная гонка за количественными показателями, формализует образовательный процесс, исключая элементы творчества и свободы. Целью нашей статьи является рассмотрение влияния глобальных трендов на отечественное образование и науку через призму истории российской высшей школы. Исследование проведено на основе системно-исторического подхода с использованием описательного и сравнительного методов. С самых первых лет своего существования российская высшая школа сочетала в себе элементы прусского и французского университетов. Уровень ее автономии и развития напрямую зависел от внутренней политики. Американская система образования, ставшая сегодня примером для многих мировых университетов, опираясь на английскую модель колледжа, ориентировалась на демократизм, элективность, широкую доступность, прагматизм и конкуренцию. Сочетание этих качеств позволило университетам США к концу XX в. стать ориентиром для идеи унификации принципов обучения и оценки эффективности вузов во всем мире. Российская высшая школа также включилась в процесс модификации высшего образования по американской модели. Однако отсутствие экономических предпосылок и сформированные за несколько столетий особенности организации российского образовательного процесса позволили лишь формально соответствовать новым стандартам. Более того,*

Abstract. *The changes taking place in world education, within the framework of global trends, dictate new standards for the development of Russian higher education. On the one hand, universities are increasingly focused on the formation of specialists with «higher-order thinking skills», on the other hand, a constant race for quantitative indicators, formalizes the educational process, eliminating elements of creativity and freedom. The purpose of this article is to examine the influence of global trends on domestic education and science through the prism of the history of Russian higher education. The study was conducted on the basis of a system-historical approach, using descriptive and comparative methods.*

From the very first years of its existence, the Russian high school combined elements of Prussian and French universities. The level of its autonomy and development was directly dependent on domestic policy. The American education system, which has become an example for many world universities today, relying on the English model of the college, focused on democracy, electivity, widespread availability, pragmatism and competition. The combination of these qualities allowed US universities by the end of the twentieth century. become a guideline for the idea of unifying the principles of learning and evaluating the effectiveness of universities in the world. Russian higher education also joined the process of modifying higher education according to the American model. However, the absence of economic preconditions and the features of the organization of the Russian educational process, that were formed over several centuries, allowed only formally conform to new standards. In the conditions of priority of quantitative indicators, over qualitative

в условиях приоритета количественных показателей над качественными, цель формирования специалистов с «мышлением высокого порядка» становится труднодостижимой.

Ключевые слова: глобализация, прусская система образования, французская система образования, американская высшая школа, российский университет.

Для цитаты: Лбова Е. М. Формализм или новая степень свободы: влияние глобализации на российское образование // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, №3. С. 2920–2927

DOI: 10.15372/PEMW20190304

ones, the formation of specialists with «thinking of a higher order» becomes difficult to achieve.

Keywords: globalization, Prussian education, French education, American high school, Russian university.

For quote: Lbova E. M. [Formalism or new degree of freedom: the impact of globalization on Russian education]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 2920–2927

DOI: 10.15372/PEMW20190304

Введение. В современном мире наблюдаются две тенденции: с одной стороны, унификация и подгонка системы высшего образования под определенные стандарты; с другой – создание условий для развития рефлексивного типа мышления или «мышления высокого уровня» под которым понимается «сложный когнитивный комплекс, включающий в себя умение строить гипотезы, находить нужную информацию, анализировать и синтезировать ее, делать логические выводы, строить доказательства, критически перерабатывать факты, грамотно представлять результаты выполненных исследований» [1, с. 12]. Такой подход предполагает преобладание элемента творчества и свободы в работе специалиста, что противоречит усиливающейся в образовательной и научной сферах тенденции стандартизации и формализма. Подтверждением данному факту служат изменения, происходящие в мировой системе высшего образования, и реакция на это со стороны преподавателей и научных кадров ведущих мировых университетов. Требования нового времени затронули и российскую высшую школу. За последние тридцать лет, созданная в СССР система образования и науки, одна из лучших в мире, целенаправленно подгонялась под западные стандарты. Институты и университеты стали объединять по примеру американского университета, традиционно сочетавшего образование и науку. Данный процесс еще не завершен и во многом изменения носят формальный характер. Формализм выражен в погоне за идеей, когда главным мерилom успешности вуза становится количество публикаций и цитирований, соотношение профессорско-преподавательского состава к численности обучающихся, количество иностранных студентов и т. д. [2]. Недавнее исследование, проведенное коллективом «Новой газеты» [3, с. 12] показало, что в погоне за количеством публикаций ряд российских вузов прибегал к размещению результатов своей научной работы в «хищнических» журналах за государственный счет. В одном только Казанском федеральном университете за четыре года было опубликовано 1 589 статей, не представляющих научной ценности и не отмеченных в международных базах данных. Погоня за формальными показателями обесценивает роль истинного научного поиска и познания. Для того чтобы показать, насколько современные тенденции «развития высшего образования» расходятся с базовыми принципами европейского Просвещения, на основе которых была сформирована идеология первых российских университетов, обратимся к истории.

Постановка задачи. Через описание истории формирования российской и западных систем образования обозначить плюсы и минусы современных глобальных трендов затрагивающих как российскую высшую школу, так и науку.

Методология и методика исследования. Исследование построено на основе системно-исторического подхода [4]. С помощью описательного и сравнительного методов выявлены характерные особенности американской и российской высших школ с момента их основания по настоящее время, а также степень влияния глобализационных процессов на отечественное университетское образование и науку.

Результаты. С момента своего основания, в XVIII в. российская система университетского образования представляла собой синтез принципов прусской и французской высших школ. Согласно историческим свидетельствам, к разработке проекта первого российского университета были привлечены немецкие философы Г. В. Лейбниц и Х. фон Вольф. В заметках Г. В. Лейбница, представленных Петру I, университет рассматривался как учреждение для подготовки госслужащих, способных принять активное участие в «приобщении России к успехам, уже достигнутым в Европе» [5, с. 131]. Также были

обозначены основные элементы французской системы: «Ранее взятие государством в свои руки уже существующих вузов и создание новых, а также управление ими /.../ жесткая бюрократизированная система управления и ограниченная академическая свобода» [6, с. 102]. Высшие учебные заведения лишались автономии в решении внутренних академических вопросов. Основная миссия университета состояла в изменении образа мысли людей и закреплении новых культурных трансформаций XVIII в. Немецкий философ Х. фон Вольф имел косвенное влияние на проект. Его рекомендации, полученные через переписку Петром I, касались организационных принципов российских университетов. Ученым была предложена система подготовки кадров: гимназия – университет – Академия наук, сохранившаяся и значительно укрепившаяся во времена СССР. Также холистический подход Х. фон Вольфа разделял один из учредителей Московского государственного университета – М. В. Ломоносов, прошедший в молодости курс обучения под руководством немецкого философа в Марбурге [7, с. 110–111]. Но в XVIII в. основополагающими при формировании российской высшей школы были принципы устройства французского университета.

В XIX в. русская высшая школа выстраивалась по французской модели с некоторыми элементами прусской. Университет воспринимался «как мануфактура чиновников, фабрика рекрутирования» [8, с. 4]. Позднее государственный контроль за образовательным процессом сохранился в организации советского высшего образования.

Следует уточнить, что изначально в России общество было не готово к распространению европейского типа университета. Идея получения знаний и навыков в стенах светского учреждения, а не монастыря, воспринималась как еще одна странная идея Петра I. Связано это было с тем, что церковная реформа Никона 1663–1664 гг. не способствовала развитию естественных наук, как это было, к примеру, в Англии в результате реформации. Как итог, русская аристократия неохотно училась и не понимала необходимости создания университетов и Академии наук [9, с. 50]. Для того чтобы вызывать интерес к учению М. В. Ломоносовым выдвигалась идея присуждать чины за обучение в университете. Таким образом, за высшим образованием в сознании российской элиты закрепились функции подготовки чиновников как необходимая ступень социального лифта.

В российской Империи подход к высшему образованию зависел от внутренней политики. Вплоть до революционных событий 1918 г. в русском образовательном процессе преобладали элементы французской системы, но с приходом к власти партии большевиков широко стали использовать и продвигать идеи прусской системы В. фон Гумбольдта. Данная система сложилась в Пруссии за короткий промежуток с момента основания Берлинского университета, с 1808 по 1810 г. [8, с. 2]. Основные провозглашенные принципы: академическая свобода профессоров и студентов; единство преподавания и исследования [5, с. 105]. Советская система объединила элементы прусской с жестким государственным контролем. Каждая ступень образования, от начальной школы до вуза должна была воспитывать «правильного» советского гражданина, мироощущение которого базировалось бы на марксистской идеологии. В рамках такой системы был создан новосибирский Академгородок. Именно в нем преобладание научной и творческой свободы (элементы влияния прусской системы) дало прорывные результаты для экономики страны. Новосибирский государственный университет изначально был ориентирован на выпуск специалистов, способных к научному поиску и творчеству. Даже главный девиз университета: «Мы не сделаем вас умнее, мы научим вас думать» отражает ориентацию на мышление высокого уровня. Таким образом, уже в 1960-е гг. в СССР удалось сформировать систему высшего образования, направленную на формирование специалистов с высоким уровнем творческого и аналитического мышления. Грамотное сочетание элементов прусской и французской систем позволило сделать советское образование одним из лучших в мире.

Параллельно укреплялись позиции американской высшей школы в США. Если исторически в России, а затем в СССР сложилась система школа – университет – академический институт, то американское общество «отдало приоритет университетскому сектору, сотворив его собственную модель как комплексного вуза, в котором объединены обучение и исследования как по фундаментальному знанию, так и по прикладному» [5, с. 144]. Американская система образования сформировалась под влиянием Англии, однако базовые принципы – демократизм, элективность, широкая доступность – сформировались в процессе ее постепенной эволюции. На формирование современной американской высшей школы большое влияние оказала политика маккартизма второй половины XX в. и два документа: меморандум Пауэлла и доклад трехсторонней комиссии «Кризис демократии» от 1974 г. [10].

С самого момента своего основания для американской системы высшего образования характерны следующие черты:

1) элективный подход к образованию (индивидуализация обучения); дисциплины выбираются в зависимости от того, какой цели служит данное образование;

2) наличие общественной высшей школы – public (образуемая, финансируемая и контролируемая администрациями штатов или муниципалитетов) и частной – private (образуемая и существующая как независимая от властных структур корпорация);

3) демократизм высшего образования: доступность для всех независимо от социального положения;

4) мобильность – немедленное реагирование на реальные запросы общества;

5) прагматизм.

Сочетание этих качеств вело к развитию рыночных отношений, конкурентности в сфере образовательных услуг [5, с. 139]. Еще в конце XIX в. ведущей моделью становится университет или колледж комплексного характера, в котором объединены обучение и исследования как в рамках фундаментального научного знания, так и прикладного [5, с. 142].

В XX в. после Второй мировой войны в США образование становится еще более доступным. Это приводит к тому, что в университетах появляются марксистские кружки, что вызывает недовольство представителей промышленности и бизнеса. Корпорации сами предлагают отдать большую часть финансирования университетов на откуп частным лицам. Тогда и возникает меморандум Пауэлла и доклад трехсторонней комиссии. Основной тезис данных документов един: образование должно отвечать запросам крупных корпораций и иметь практическое назначение. В таком ключе американская высшая школа развивается и по сей день. И именно на эту модель ориентируются современные ведущие мировые университеты.

Желание унифицировать принципы оценки эффективности университета возникло у ведущих мировых держав к концу XX в., что обусловило закрепление основных этапов обучения. Задачи преобразования и обновления высшего образования были провозглашены на Всемирной конференции ЮНЕСКО по высшему образованию в 1998 г. в Париже [11]. Год спустя министры 29 европейских стран приняли декларацию «Зона европейского образования», тем самым создав предпосылки для приведения системы высшего образования разных стран к единому стандарту для укрепления интеллектуального потенциала Европы и повышения престижности в мире европейской высшей школы. Самыми престижными университетами мира считались университеты США и Великобритании, и реформаторы Старого Света посчитали, что лучшим способом повысить свои позиции в мировом рейтинге будет ориентация на опыт лидеров, т. е. заимствование опыта организации научной и образовательной деятельности американской высшей школы. Поскольку в 2003 г. Россия присоединилась к Болонскому соглашению, русская высшая школа также подверглась модификации по примеру европейских университетов [12, с. 6].

У данного процесса есть свои сильные слабые стороны. Одним из позитивных моментов является повышение доступности высшего образования для студентов со всего мира, упрощение процедуры зачисления и широкие возможности для образовательных и научных обменов между ведущими мировыми университетами. Однако для того чтобы соответствовать новым стандартам, необходимо постоянно ориентироваться на единую систему рейтингования, в которой традиционно в лидерах оказываются высшие учебные заведения Великобритании и США.

Желание улучшить свою позицию по формальным требованиям становится основным лейтмотивом деятельности большинства европейских вузов, в том числе российских. Ситуация формализма усугубилась еще и за счет включения университетского образования в качестве услуги в Совместную декларацию о высшем образовании и Генеральное соглашение о торговле услугами в 2001 г. (Joint Declaration on Higher Education and the General Agreement on Trade in Services). Условия, прописанные в Генеральном соглашении, вкупе с усиливающейся глобализацией обязали учебные заведения перейти на коммерческое ориентирование и, по сути, поставить в приоритет один из главных принципов классической американской школы, а именно прагматизм и конкуренцию.

Правительства же, сообразно своим английским коллегам, встали на путь сокращения затрат на высшее образование. Особенно ярко эта тенденция проявилась в конце XX в. – первом десятилетии XXI в. Одной из первых стран, начавших в Европе сокращать бюджет на высшее образование, стала Англия. Апеллируя к значительно возросшему количеству студентов и недостатку средств правительство лейбористов сняло с себя функцию перераспределения финансов, передав эту ответственность вузам. Университеты, оказавшись большей частью на самообеспечении, ввели плату за обучение [13, с. 234]. Студентов обязали платить для поддержания качества и возобновления экспансии высшего образования. Тенденция была закреплена на мировом уровне, когда оплата обучения как услуги была включена в Генеральное соглашение о торговле [14]. В таких условиях любой вуз мира, за исключением лидеров рейтингования, к которым относятся США и Англия, оказывается в ситуации постоянной борьбы за высокое место в рейтинге, которое невозможно занять. В этом заключена основная проблема современной мировой рейтинговой системы. Будучи сформированной в США и Англии, она всегда будет отражать лишь те критерии оценки эффективности вузов, которые свойственны для американской высшей школы.

В России либеральное правительство начала 1990-х гг. взяло курс на реформирование науки и высшего образования по примеру вузов США. Отчасти это было вызвано экономическими причинами. Полноценное финансовое обеспечение высшего образования и науки на уровне Советского Союза было затруднительным. Поэтому инициативы, уже реализуемые в США или только обсуждаемые в Европе, по переносу части финансирования университетов с государства на частных лиц, были приняты правительством Российской Федерации позитивно.

Решение о том, что средняя и высшая школы должны соответствовать мировым стандартам, закрепились окончательно к началу 2000-х гг. В.М. Филиппов, министр образования с 1998 по 2004 г., предложил ввести систему единого государственного экзамена (ЕГЭ) по аналогии с академическими оценочными тестами США. Хотя ЕГЭ часто считают заимствованным из американской или французской экзаменационной системы, по сути, у него больше сходства с китайским ГАОКАО¹. Включение российской высшей школы в Болонскую систему в 2003 г. трансформировало существовавший с советского времени специалитет в двухступенчатую систему: бакалавриат – магистратура. Последняя мера была напрямую связана с желанием вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО). Преобразования в средней и высшей школе не были встречены позитивно российской общественностью. Однако эти реформы были экономически обоснованы. ЕГЭ, в идеале, должно было даже облегчить жизнь школьников, исключив необходимость проходить дополнительные испытания при поступлении в университет после выпускных школьных экзаменов, и дав всем равные возможности при поступлении, снизить коррупцию.

Реформирование высшей школы затронуло российскую науку. И в США, и в Англии университет сочетает в себе как образовательную, так и исследовательскую деятельность. Так, у реформаторов появилась идея сосредоточения науки в университетах. Эта стадия реформирования началась в 2010-е гг. и не завершена по сей день. Предложение создать «клуб ученых», вместо Академии наук, не раз высказывалось Д.В. Ливановым, одним из главных инициаторов трансформации науки в России [15]. В более долгосрочной перспективе подразумевался перенос науки из институтов в университеты и упразднение в России такой формы организации научных исследований, как сеть специализированных финансируемых государством научно-исследовательских учреждений с последующим лишением их руководства автономии в области планирования деятельности и отчетности за нее [16, с. 73].

Д.В. Ливанов, высказывая идею о «клубе ученых», ориентировался скорее всего на пример английского королевского научного общества, которое не занимается решением значимых организационных вопросов, а лишь дает рекомендации и экспертную оценку, в то время как научная деятельность сосредоточена в университетах. Инициатива была встречена российским научным сообществом негативно. Принятые в конце 2010-х гг. инициативы по улучшению финансового положения научных сотрудников, постепенное налаживание деятельности научных институтов создали благоприятную атмосферу для дальнейшего развития российской науки. И именно в этот момент были проведены радикальные преобразования, приведшие к временному хаосу. В результате прямых протестов ученых, через петиции, многочисленные обращения к Президенту Российской Федерации удалось отстоять право Академии наук на существование, однако с ограничением финансовой и имущественной независимости. И все же это позволило продлить жизнь научных институтов и на настоящий момент университеты и институты работают совместно, постепенно интегрируя научные исследования в сферу высшего образования. Таким образом в университетах компенсируется еще не налаженная научная работа и осуществляется парадигма «инновационного университета», направленная на объединение в рамках высшего учебного заведения науки и образования.

Данная модель взаимодействия не нова. Уже в упомянутом ранее новосибирском Академгородке удалось осуществить прямую кадровую преемственность между университетом и институтами еще в 1960-е гг. Феномен данного явления был подробно разобран в исследованиях целого ряда ученых. Уникальный «треугольник Лаврентьева» с основным принципом: «наука – кадры – производство» воплотил частично в жизнь идеи, которые объявляются в начале XXI в. новшеством. Возможно, проблема состоит в том, что в большинстве случаев советская система предполагала четкую дифференциацию деятельности: научными исследованиями должны заниматься институты, а образовательной деятельностью только университеты. В американской высшей школе производством научного знания занимаются университеты, которые создают идеи. Правительство при этом формирует нормативную базу, а бизнес обеспечивает ресурсами [17, с. 174].

Противоречие проистекает из различий экономических укладов. Если в Советском Союзе наука и образование финансировались исключительно за счет государства, то свободные рыночные отноше-

¹ Прим.: всекитайские государственные экзамены, учреждены в 1952 г.

ния, существующие в США, способствовали зарождению и росту конкуренции и в образовательной сфере. В таких условиях существование отдельных институтов не было бы рентабельным. В постперестроечной России, несмотря на смену экономической модели, финансирование науки и образования по большей части покрывается за счет государственного бюджета. Бизнес еще недостаточно развит для того, чтобы взять на себя ответственность за обеспечение университетов необходимыми ресурсами. При этом проводятся реформы, направленные на насаждение модели функционирования американского университета, к которой фактически институт образования еще не готов. Реформы разрушают советскую систему, переориентируя ее не на формирование личности с «мышлением высокого порядка», а на соответствие формальным критериям.

Нельзя сказать, что это касается только России. Подобные преобразования происходят сейчас во всем мире. К примеру, схожие процессы происходят во Франции, в стране на систему образования которой ориентировались на протяжении столетий русские реформаторы. В 2007 г. был принят закон об автономии университетов, в 2005 г. Пакт о научных исследованиях. Меры, предложенные в последнем документе, были ориентированы на интеграцию науки в рыночную экономику и свертывание фундаментальных исследований. С тех пор все большее число ученых работают по контрактам, теряя прочные государственные гарантии. Согласно закону 2007 г. все вузы Франции к 2020 г. получают автономию. Это значит, что с университетами будет заключаться контракт, в соответствии с которым одна пятая выделяемых средств будет напрямую зависеть от эффективности их работы как научных центров. Как итог – создание научно-образовательных кластеров, объединяющих высшие учебные заведения и исследовательские центры в целях продуктивного сотрудничества при поддержке бизнес-структур [18, с. 69]. Практически точная копия американской модели высшего образования.

Выводы. Российская высшая школа, находясь под влиянием глобальных трендов, претерпевает значительные изменения. Мотив перемен очевиден: после смены экономической модели развития необходим новый подход к распределению государственных финансовых средств в области науки и образования. Однако слепое копирование американской модели организации высшего образования и науки создает ситуацию, при которой количественные показатели преобладают над качественными. В этих условиях сложно следовать основным принципам системы высшего образования, предложенной В. фон Гумбольдтом и формировать творчески мыслящую личность. Советская модель в большей степени была ориентирована на формирование такого специалиста. Ее результативность с успехом демонстрирует востребованность российских ученых, получивших образование еще в СССР, в научных учреждениях и вузах США, Японии и Европе.

Так или иначе, любые перемены в современном мире, в том числе и в высшем образовании, обусловлены не только экономическими причинами, но и стремлениями сменить привычную парадигму передачи готовых знаний на рефлексивную парадигму критической практики. Для этого отчасти и происходит унификация учебного процесса по всем миру с целью сделать качественное высшее образование доступным для каждого человека в мире, что не всегда создает условия для формирования его как личности и развития у него мышления высокого порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абрамова М. А.** Формирование мышления высокого порядка как трансдисциплинарная идея эволюции системы образования // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания: сб. статей. Минск: Четыре четверти, 2018. С. 11–14.
2. **Рейтинг** лучших университетов мира по версии Quacquarelli Symonds. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2019. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/qs-world-university-rankings/info> (дата обращения: 06.05.2019).
3. **Заякин А., Смагин А.** Государство требует от ученых больше научных статей. А получает горы макулатуры за солидные деньги: как это устроено? // Новая газета. 2019. № 45. С. 12–13.
4. **Лабарешных Н. Н.** К вопросу о методологических подходах к исследованию проблемы становления образования // Педагогическое образование в России. 2011. № 5. С. 103–110.
5. **Водичев Е. Г, Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И.** Высшая школа в условиях системных трансформаций переходных эпох. Статья 2: российская и американская модели // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 8. С. 129–145.
6. **Водичев Е. Г, Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И.** Высшая школа в условиях системных трансформаций переходных эпох. Статья 1: европейские модели // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1. С. 96–110.
7. **Шубинский В. И.** Ломоносов. М.: Молодая гвардия, 2015. 471 с.

8. **Шнедельбах Г.** Университет Гумбольдта // Логос. 2002. №5–6 (35). С. 1–14.
9. **Кузнецова Н. И.** Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. №3. С. 49–64.
10. **Scott Debra Leigh.** How higher education in the US was destroyed in 5 basic steps // AlterNet. URL: <https://www.alternet.org/2012/10/how-higher-education-us-was-destroyed-5-basic-steps/> (дата обращения: 09.05.2019).
11. **World declaration on higher education for the twenty-first century: vision and action** // UNESCO. URL: http://www.unesco.org/education/educprog/wche/declaration_eng.htm (дата обращения: 14.04.2019).
12. **Абрамова М. А., Балганова Е. В.** Качество высшего образования как детерминанта общественного развития // Философия образования. 2018. № 77, вып. 4. С. 3–12.
13. **Беляев А. А.** Модернизация ВШ Англии при правительстве лейбористов (1997–2007) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т.7, вып. 1. С. 232–238.
14. **Osterwalder Konrad.** The new dynamics on higher education and research for societal change and development // United Nations University. URL: archive.unu.edu/files/2009/Rector_WCHE-2009.pdf (дата обращения: 14.04.2019).
15. **Интервью с Д. Ливановым** // Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/1112176-echo/> (дата обращения: 22.05.2019).
16. **Аблажей А. М.** Идеальная подготовка и первые результаты реформы академической науки в России // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, №2. С. 68–80.
17. **Петров В. В.** Университет мирового класса: американская модель в российских условиях // «Третья миссия» университета в современной России: новации и интеллектуальные традиции: сб. статей. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. С. 173–180.
18. **Кириллова Н. Б.** Высшее образование во Франции: смена институциональной парадигмы // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 66–70.

REFERENCES

1. **Abramova M. A.** Formation of high order thinking skills as a transdisciplinary idea of the education system evolution. Intellectual culture of Belarus: methodological capital of philosophy and outlines of transdisciplinary knowledge synthesis. Minsk, Chetyre chetvert Publ., 2018, pp. 11–14. (In Russ)
2. **Ranking of the best universities in the world according to Quacquarelli Symonds.** Humanitarian Encyclopedia: Research Center for Humanitarian Technologies, 2006–2019. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/qs-world-university-rankings/info> (accessed 6 May 2019). (In Russ)
3. **Zayakin A., Smagin A.** The state requires more scientific articles from scientists. And he gets a lot of waste paper for good money: how does it work?. *Novaya gazeta = New newspaper*, 2019, no. 45, pp. 12–13. (In Russ)
4. **Labareshnykh N.N.** Regarding methodological approaches to education development study. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*, 2011, no. 5, pp. 103–110. (In Russ)
5. **Vodichev E. G., Liss L. F., Uzbekova Yu. I.** Higher school under conditions of system transformations during transitory epochs. Paper 2: Russian and Americans models. *Vestnik NGU = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 2012, vol. 11, issue 8, pp. 129–145. (In Russ)
6. **Vodichev E. G., Liss L. F., Uzbekova Yu. I.** Higher school under conditions of system transformations during transitory epochs. Paper 1: European models. *Vestnik NGU = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 2012, vol. 11, issue 1, pp. 96–110. (In Russ)
7. **SHubinskij V. I.** *Lomonosov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015, 471 p. (In Russ)
8. **SHnedel'bakh G.** Humboldt University. *Logos*, 2002, no. 5–6 (35), pp. 1–14. (In Russ)
9. **Kuznetsova N. I.** Social experiment of Peter the Great and the formation of science in Russia. *Voprosy filosofii = Philosophy issues*, 1989, no. 3, pp. 49–64. (In Russ)
10. **Scott Debra Leigh.** How higher education in the US was destroyed in 5 basic steps. AlterNet. Available at: <https://www.alternet.org/2012/10/how-higher-education-us-was-destroyed-5-basic-steps/> (accessed 9 May 2019).
11. **World declaration on higher education for the twenty-first century: vision and action.** UNESCO. Available at: http://www.unesco.org/education/educprog/wche/declaration_eng.htm (accessed 14 April 2019).
12. **Abramova M. A., Balganova E. V.** Quality of higher education as a determinant of social development. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of education*, 2018, no. 77, p. 4, pp. 3–12. (In Russ)
13. **Belyaev A. A.** Modernization of the High School of England under the labor government. *Vestnik NGU = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 2008, vol. 7, issue 1, pp. 232–238. (In Russ)

14. **Osterwalder Konrad.** The new dynamics on higher education and research for societal change and development. United Nations University. Available at: archive.unu.edu/files/2009/Rector_WCHE-2009.pdf (accessed 14 April 2019).
15. **Interview** with D. Livanov. *Ehkho moskvy = Echo of Moscow*. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/1112176-echo/> (accessed 22 May 2019). (In Russ)
16. **Ablazhey A. M.** The ideological background and first results of academic science's radical reform in Russia. *Sibirskij filosofskij zhurnal = Siberian Philosophical Journal*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 68–80. (In Russ)
17. **Petrov V. V.** A world-class university: the American model in Russian conditions. The third mission of the university in modern Russia: innovations and intellectual traditions, Novosibirsk, 2016, pp. 173–180. (In Russ)
18. **Kirillova N. B.** Higher education in France: changing of institutional paradigm. *Vysseee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, 2010, no. 12, pp. 66–70.

Информация об авторах

Лбова Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права СО РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8, 630090, e-mail: kate.lbova@gmail.com)

Принята редакцией: 10.06.19.

Information about the authors

Ekaterina M. Lbova – Ph.D. in History, researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: kate.lbova@gmail.com)

Received: June 10, 2019.